

Русский элемент в сердце Манхэттена

Выходцы из России определяют культурную жизнь Нью-Йорка

Марина БОРИСОВА

Нью-Йорк — город русских

В столице мира русскому элементу дышится широко и привольно. Имеется в виду не Брайтон-Бич: известная у нас тусовка на океанском побережье сегодня предстает как воспоминание о России, которой уже нет. Дело также не в цифрах, хотя они впечатляют: только в Бруклине (один из пяти районов города) живет полмиллиона наших. И даже не в музыкальном строе сити: русский говор звучит в Манхэттене (деловой и культурный центр) почти без пауз, а когда встречный на перекрестке в Сохо (известное место галерей) обращается по-английски, по выговору ясно, что он из России.

По облику Манхэттена можно изучать наш вклад в мировую культуру. Международная слава выходцев из России присвоена городом, став знаком его сегодняшней жизни: картины Кандинского и Шагала — основа экспозиции Музея Гуггенхайма, пианист Владимир Горовиц — лицо Карнеги-холла (его портрет на обложке всех буклетов концертного зала), а детище хореографа Джорджа Баланчина — театр «Нью-Йорк Сити Балле» — блестящий символ современной архитектуры городского центра.

Первые голоса «Метрополитен-опера»

В первом оперном доме Америки, имеющем привычный для мировой практики интернациональный состав, трудится немало наших. Валерию Гергиеву, главному приглашенному дирижеру, «Мет» обязан русскими названиями: «Хованщина» и «Пиковая дама» (прошлый сезон), «Леди Макбет Мценского уезда» с певицами из Мариинки (текущий). Дебютант сезона — уроженец Москвы, дирижер Владимир Юровский, отбыв-

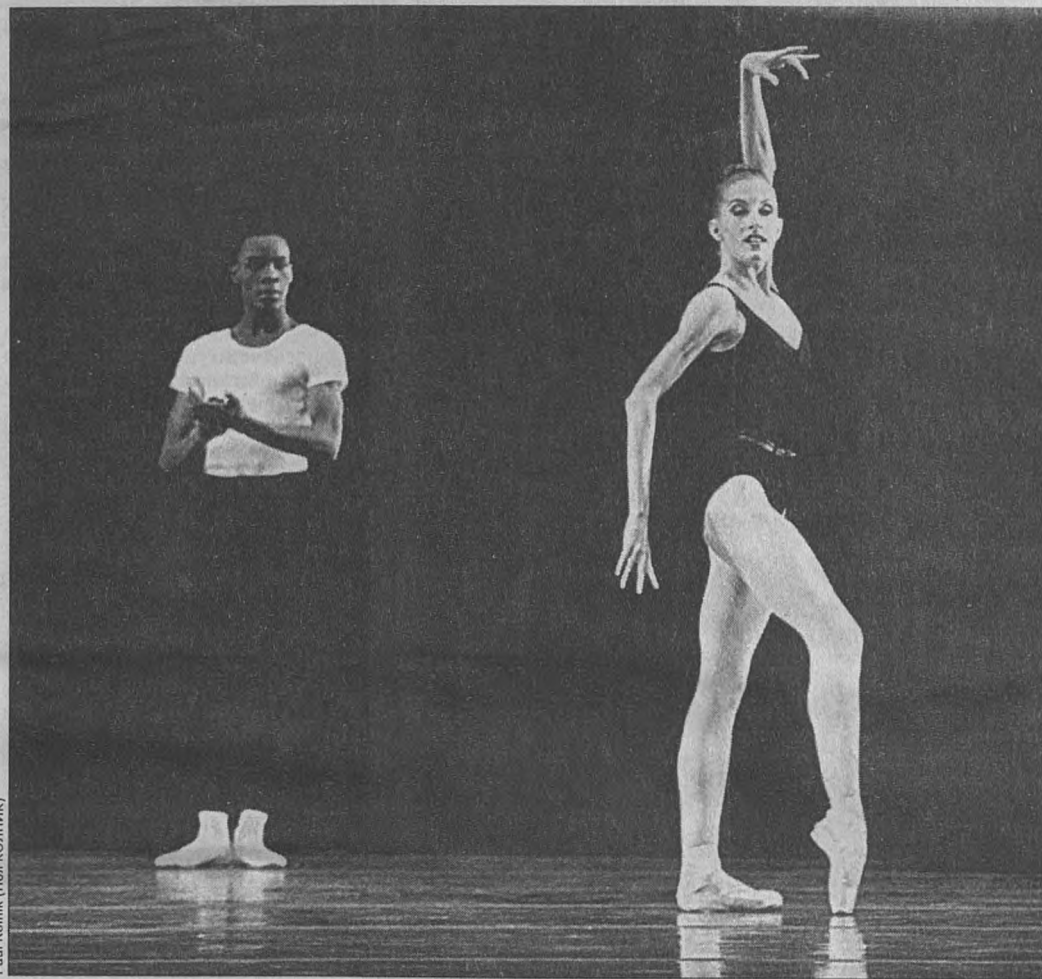
ший после «Риголетто» в «Мет» на «Пеллеаса» в Болонью.

Российские певцы, не ограничиваясь родным репертуаром, добрались до итальянской оперы. Герои Нью-Йорка — баритоны Николай Путилин («Сельская честь» и «Аида») и Владимир Чернов («Травиата»), тенора Владимир Галузин («Баттерфляй») и Владимир Богачев («Отелло»), меццо Ольга Бородина («Аида»).

Джордж Баланчин — портретист

Русский миф о Баланчине кристаллизуется в Новом Свете. Сегодня труппа «Нью-Йорк Сити Балле» в прекрасной физической форме и держит 45 балетов, выступая по семь раз в неделю, в субботу — дважды. Целый месяц — «Щелкунчик» в ежедневном прокате, затем «Лебединое озеро». Труппа танцует и Петиша, и Баланчина, и Роббинса, постоянно идя вперед под руководством нынешнего шефа Петера Мартинса.

Заветная страница для всякого заокеанского русского — Balanchine black+white program: «Концерто барокко» на музыку Баха (премьера в 1941), «Агон» Стравинского (1957) и «Эпизоды» на музыку Веберна (1959). Труппа танцует это как универсальную современную лексику, которая доводится до инструментальной отточенности, отчего россияне восхищенно замирают. Нынешний житель Нью-Йорка говорит об идеальной работе часового механизма, самостоятельности и контрапункте ритмов. Критику-гостю видится гениальный портрет самого Нью-Йорка: вертикальная графика города воплотилась в чистых силуэтах танцовщиц в черных купальниках и танцовщиков с белым верхом. Движения передают «современный стиль» столь же непрерываемо, как архитектура: петербуржец Баланчин в своем театре завещал нам Нью-Йорк пластическим символом своего века.

Балеты петербуржца Баланчина — графический образ города Нью-Йорка. Альберт Эванс и Венди Уэлан в «Агоне» Стравинского

Чайковский и Шостакович по-американски

Русская музыка — от Чайковского до Пярта — тут не экзотика, а почва для соревнования. Два национальных оркестра, российский и американский, в русских программах совпадают манерой: наша музыка, теряя самобытность, звучит с сильным интернациональным привкусом, чему способствуют корейские скрипач-

ки. Кьонг-Ва Чунг, сестра известного пианиста и дирижера, играет Второй концерт Прокофьева с Российским национальным оркестром (дирижер Михаил Плетнев), а Юра Ли, вундеркинд 1985 года рождения, — концерт Чайковского с Национальным симфоническим из Вашингтона (дирижер Леонард Слаткин). Подход один: виртуозность означает музыкальность, и неважно, что играть — все выйдет предельно быстро и с высоким качеством

(публика вскакивает и кричит как безумная).

Дирижеры также схожи: музыка не проживается от первого лица, а объективно докладывается, говоря сама за себя. Скриabinу такое к лицу: Плетнев, сдерживая всплески и томления «Божественной поэмы», исподволь доводит до желанного подъема. В финале российский слушатель, всю дорогу напругавшийся в ожидании, вдруг радостно и прочно ощущал себя на эмоциональном пике.

Слаткин в Карнеги-холле дал иной результат. Стерильная обработка Пятнадцатой симфонии пошла не на пользу Шостаковичу. Оркестр, которым 17 лет руководил большой друг композитора Ростропович, на первый план выложил рациональность конструкции, не сделав ни шагу дальше. Ставшая гербарием партитура никак не оживала — даже астральная красота финала казалась увядшей и неактуальной. Поэтому бывший россиянин, житель Нью-Йорка, нашел симфонию лишь скучной музыкой, неудачной для завершения программы (Лядов, Чайковский, Шостакович). А визитера из России вдруг осенило, что дело не в оторванности от отчизны, а в исполнении: отсутствие в нем социокультурного посыла и связанной с ним трагичности обернулось провалом музыкальной энергии. Отечественный инстинкт подлинности, не атрофируясь при пересечении океана, бессознательно чурается таких смысловых пустот.

Не случайно оба россиянина зарделись в приливе национальной гордости на сольном концерте румына Ралу Лупу. Известный в мире пианист number one прошел нашу школу — учился у обоих Нейгаузов в Москве. Результат пребывания в России ощутил для своих на уровне метафизики. Лупу лишен как западной деловитости, так и межнационального артистического ореола: музыка для него — обращенная к себе молитва, не предназначенная для показа. Тихая, почти смиренная внятность его игры, где понятие «виртуозность» кажется неуместным, несет ту скромную простоту, что так понятна славянской духовности. Лупу не играет — музыка просто спускается к его рукам, и Яначек, Шопен, Шуберт и Брамс несут в благоговейно замерший Карнеги-холл откровение, какое мы слышим в записях великой Марины Юдиной.